

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 19.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11-ГО МАЯ.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

„День жизни“, очеркъ **А. Саксогонской**; „Жизнь“, этюдъ **Л. Мирковича**; „Встрѣча“, стих. **Д. Цензора**; „Бумага—великая вещь“, разсказъ **И. Волховского**; „Сфинксъ“, разск. **Н. Черикова**; „Покровитель“, разск. **В. Финити**; „Достучался“, повѣсть **С. Ратова**; „Загадка“, стих. **Ю. Елецъ**; „Вся чужая“, эскизъ **В. Бло-**

хина; Стихотвореніе—**Е. Бахарева**; „Перевоплощенный“, фельетонъ **М. Попова**; Театральная хроника; „Пѣсня безъ словъ“, стих. **Н. Оржицкаго**; Новости литературы, По Россіи; Рисунки: портретъ **Б. Глаголина**, шаржъ—**А. Каменскій**.

Утро. Тишина жуткая, одинокая. Мутное небо съ грязными волокнами. Льетъ противный, осенній мелкій, но частый дождь. Косая, густая сѣтка заволокла улицу и длинная, водянная ленты непрерывно скачутъ передъ глазами.

Молчаливая бѣшенная пляска.

За окномъ будто кто-то плачетъ и причитываетъ надъ покойникомъ. Нудно.

Заскрипѣлъ стулъ и грузно опустилось тѣло. Молча пододвинула она ему хлѣбъ, закуску, и ухомъ ловила однотонное чавканье рта.

Она сидѣла, не дотрогиваясь до ѣды и широко недоумѣвающе скользила по предметамъ, на которыхъ были накинута сѣрые контуры погоды.

На душѣ было жутко и смутно.

Она чувствовала не тоску, нѣтъ, а что-то сильнѣе: безпросвѣтно-тяжелое настоящее и безъ признака чего-то яркаго, хорошаго будущее.

Чуялась смерть жизни.

Она перевела глаза на него.

Онъ продолжалъ молча ѣсть. Ротъ его то расширялся такъ, что видна была пища, то закрывался.

Ее начало тошнить.

И злоба мелкая, но острая закипала въ душѣ.

Она опустила глаза и молча вертѣла ложкой.

Упала муха на скатерть; она съ любопытствомъ наблюдала, какъ въ послѣдней агоніи умирало наскѣмое.

Трепетно вздрагивали крылышки, и маленькое черное тѣлице судорожно подергивалось, Онъ кончилъ ѣсть и мятой салфеткой утиралъ ротъ.

Ей сдѣлалось невыносимо.

— „Почему ты молчишь, Петръ?“

Полная тишина, только сухой листь, упавшій съ цвѣтка, тихо зашуршалъ.

— Вѣдь сойдешь съ ума отъ этой тишины. Наша жизнь проходитъ въ одномъ молчаніи.

Звукъ ея голоса показался ей какимъ-то чуждымъ среди полного безмолвія.

— „О чемъ намъ говорить?“

Внутри у нея что-то заклокотало, тяжело и больно подступило къ горлу.

Она ничего не отвѣтила и нажала кнопку звонка.

Задвигались стулья и послышались удаляющіеся, грузные шаги.

Глухое раздраженіе подымалось внутри.

Застучала убираемая посуда и опять все смолкло.

Два человѣка, клявшіеся передъ алтаремъ въ вѣрности, какъ два преступника, были прикованы на всю жизнь къ одной тачкѣ.

Молчаніе было хуже лязга цѣпей.

Она стала, оглянувшись въ недоумѣніи и подумала:

— „Что дальше?“

Всѣ предметы какъ-бы притаились въ молчаніи.

Она взяла книжку журнала и начала читать. Иная жизнь, иныя отношенія.

Да такъ-ли? Развѣ есть эта свѣтлая жизнь, безъ этого хмураго дождя и глубокаго молчанія?

Она встала и начала ходить по комнатѣ. Шаги ея тихо раздавались и шуршали о старый полъ охомъ и стономъ подъ ея ногами, точно она ему причиняла боль.

Думы сбились въ тяжелый комъ и было отъ нихъ смрадно и кружилась голова. Въ молчаливомъ домѣ чувствовалось что-то безобразно-тяжелое, гнетущее.

— „Подавать обѣдъ?“

Она встрепенулась живому голосу—будто полоса свѣта легла въ подземелье. Даже движенія ея стали менѣе вялы. Сѣли обѣдать. Зазвенѣли ложки и опять послышалось чавканье жующаго рта. Теплый паръ, исходящій отъ супника, казался ей живымъ и она съ наслажденіемъ слѣдила за его граціозными кружевными движеніями.

Но вскорѣ ей надоѣло.